

ПЕРВЫЙ СТРАННИК

Граница между жизнью и смертью,
-один шаг в портал



О. Ветров

Олег Ветров

Первый странник

«Автор»

2026

Ветров О. В.

Первый странник / О. В. Ветров — «Автор», 2026

2100-й. Чужой космический объект тормозит у Луны. Он не излучает тепло. Он не отвечает. Он молчит. Внутри — портал в тысячи миров. Руины, хищники, разумные существа, которые корпорации в будущем объявят товаром. Наёмник Мигель Эррера идёт первым. Не за славой. Ради дочери — ей нужны деньги на лечение. Но плата не в кредитах. Кристалл на его груди переписывает воспоминания, стирает страхи, превращает его в инструмент древней сети. Где-то в глубине спит Пустота. Голодная. Древняя. Если она проснётся — не останется ничего. Чтобы спасти всех, Эррера должен забыть тех, кого любит. Включая ту, ради которой он здесь. Но он дал обещание. А слово — единственное, что кристалл не может украсть. «Первый странник». Жёсткая НФ о цене открытий. И о том, кем ты станешь, когда потеряешь себя.

© Ветров О. В., 2026

© Автор, 2026

Олег Ветров

Первый странник

ПЕРВЫЙ СТРАННИК

ПРОЛОГ

Орбитальная обсерватория «Лагранж-2»

Доктор Лена Саркисян, 34 года

12 февраля 2100 года, 04:17 по Гринвичу

Она не поверила своим глазам — и это было её первой ошибкой. Вторая случилась через три секунды, когда она решила, что спектроанализатор дал сбой.

Спектральный анализ упал на рабочий стол с пометкой «АНОМАЛИЯ: КРИТИЧЕСКАЯ СКОРОСТЬ», которая мигала алым, как сигнал бедствия. Лена отхлебнула уже остывший кофе — горькую, тёплую жижу, которая должна была держать её в сознании последние восемнадцать часов. Кофе давно превратился в химию: синте-суррогат с кофеином и добавками для бодрости, который оставлял на языке привкус металла. Автоматическая система оповещения завывала в наушнике тихо, но настойчиво: «Внимание, неопознанный объект. Внимание».

Она не отключила звук. Впервые за три года работы на «Лагранже-2» она не нажала кнопку «отбой». Просто замерла, глядя на экран, где разворачивалось нечто, чего не должно было существовать по законам физики, которые она изучала в университете, которые преподавала студентам, которые защищала в диссертации.

Объект шёл прямо из пояса Койпера — той самой холодной окраины Солнечной системы, где миллионы ледяных глыб дрейфуют в темноте, ожидая, когда гравитация гигантов столкнёт их внутрь. Но этот объект не дрейфовал. Не подчинялся баллистике. Не летел по инерции. Он тормозил.

Лена отставила кружку, нажала несколько клавиш, вызвала данные за последние шесть часов. Траектория пересчитывалась каждые пятнадцать минут — стандартная процедура для всех объектов, пересекающих границу Солнечной системы. Объект уменьшал скорость ровно на двести метров в секунду каждый час. Идеально линейно. Погрешность — ноль целых две тысячных процента. Такое невозможно для естественного объекта. Невозможно даже для искусственного, если только его создатели не владеют технологией, которая делает наши учебники физики детскими сказками.

— Это бред, — прошептала она. Голос прозвучал глухо в пустой капсуле.

Но цифры не врал.

Она переключилась на данные радиотелескопов — трёх независимых систем: земной «Арсибо-2», лунной «Тихо-Скай» и марсианской «Олимп-радар». Все три показывали одно и то же. Фон в направлении объекта был аномально тихим — словно кто-то выедал из эфира все частоты. Не глушил — выедал. Аккуратно, методично, слой за слоем, как хирург, удаляющий опухоль. Сначала любительские УКВ-станции, которые вещали музыку и новости. Потом сотовые частоты — миллиарды разговоров, сообщений, видео. Потом военные радары — зашифрованные, скачкообразные, но всё равно уязвимые. Потом глубоководные навигационные системы, которые использовали сверхдлинные волны.

Объект не просто слушал. Он классифицировал. Сортировал. Анализировал. Каждый диапазон он выедал с разной скоростью, как будто определяя его важность, ценность, угрозу.

— Лена, — голос стажёра из соседней капсулы дрожал. Его звали Алексей, ему только что исполнилось двадцать три, он пришёл на станцию месяц назад и ещё не привык к тому, что космос — это не романтика, а бесконечная тишина и красные лампы на приборных панелях. — Я посмотрел тепловой профиль.

— Ну?

— Он не излучает тепло. Вообще. — Пауза стала плотной, как бетонная стена. — Температура поверхности — 2,7 кельвина. Ровно температура реликтового фона. Но это невозможно. Трение о межзвёздную среду при восьмидесяти километрах в секунду должно было разогреть его до тысяч градусов. Куда уходит энергия?

— Не знаю, — ответила Лена. Честно. Потому что врать стажёру в такой момент было бы преступлением, а успокаивать его ложью — жестоко.

Она посмотрела на трёхмерную реконструкцию, грубо слепленную из обрывков данных радаров дальнего обнаружения. Форма была правильной. Слишком правильной. В природе не существует идеальных геометрических тел такого масштаба. Астероиды похожи на картофелины, кометы — на гантели, даже планеты сплюснуты у полюсов. Но этот объект был цилиндром.

Цилиндр. Длина — восемь километров. Диаметр — один километр. Отношение длины к диаметру — восемь к одному. Поверхность — без видимых швов, без антенн, без двигателей, без иллюминаторов. Идеально гладкая, с отражающей способностью полированного алюминия. Он висел в межзвёздной тьме, чёрный, молчаливый, и только его движение выдавало в нём нечто большее, чем мёртвую глыбу камня.

Она нажала кнопку экстренной связи с командованием Объединённого космического флота Земли. Красную, под защитным колпаком, который срывался только в чрезвычайных ситуациях. Последний раз его открывали три года назад — тогда столкнулись два грузовых челнока над Марсом, погибли семь человек, и комиссия полгода разбиралась, кто виноват в том, что автоматика не работала.

Её голос, когда она заговорила, был ровным. Не ледяным — она не умела притворяться. Просто усталым. Усталость — лучшее лекарство от страха. Она стирает эмоции, оставляет только логику и рефлекс.

— «Лагранж-2» докладывает. Обнаружен неопознанный объект класса «десять тысяч». Источник — за пределами Солнечной системы. Скорость вхождения — восемьдесят километров в секунду. Торможение — линейное, двести метров в секунду в час. Опознавательных сигналов нет.

Пауза. Она перевела дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

— Форма правильная, цилиндрическая. Отношение длины к диаметру — восемь к одному. Поверхность без видимых технологических элементов. Радиационный фон — фоновый. Тепловое излучение — соответствует реликтовому. Потери энергии — не регистрируются.

На другом конце линии молчали. Лена представила, что сейчас происходит в штабе: дежурный офицер смотрит на экран, трёт глаза, вызывает начальника, тот не верит, перепроверяет данные, вызывает ещё кого-то. Секунды тянутся как часы.

Потом голос полковника — низкий, прокуренный, привыкший к приказам, а не к вопросам — спросил с заминкой:

— Лена, ты серьёзно?

Она посмотрела в иллюминатор. Звёзды там были чужими — такими же, как всегда, но теперь она знала, что между ними движется нечто, чего не должно существовать. Не могло существовать. Но существовало.

— Полковник, у меня восемнадцать часов рабочей смены и четыре чашки кофе. Если это галлюцинация — я сниму себя с дежурства и пройду тест на наркотики. Но датчики не галлюцинируют.

Она сглотнула. В горле пересохло так, что язык прилип к нёбу.

— Он идёт прямо на Землю. Конечная траектория — орбита Луны. Расчёты показывают: если торможение сохранится, он выйдет на стабильную орбиту на высоте двухсот километров. Через сорок три дня — 26 марта. Плюс-минус шесть часов.

— Ты уверена в расчётах?

— Полковник, он тормозит с идеальной линейностью уже шесть часов. Если это не навигация, то я — китаянка.

Лена отключилась. Сорвала наушник, бросила на стол. Села, глядя на звёзды через иллюминатор — на эту бесконечную черноту, которая никогда не казалась ей пугающей, пока сегодня.

Где-то там, за пределами всего, что мы знаем, — чужой цилиндр. Он слушал человечество. Он слышал их крики, их молитвы, их музыку, их плач. И решал. Достоин ли этот шум того, чтобы раскрыться. Или чтобы быть стёртым.

В этот момент спектроанализатор моргнул.

Всего на долю секунды. Лена заметила — уголком глаза, краем сознания, той частью мозга, которая продолжает работать, даже когда тело уже отключилось. Объект изменил частоту поглощения. На 0,03 процента. Ровно в тот момент, когда она думала о матери. О старом доме в Ереване. О виноградных листьях, которые шуршали на ветру.

Она замерла. Перемотала запись. Проверила ещё раз. Ещё. Ещё.

Совпадение? Или объект реагировал не только на радиосигналы? Или он считывал электромагнитное поле её мозга? Или это просто глюк оборудования?

Она выключила анализатор. Не хотела знать ответ. Некоторые вопросы лучше оставить без ответа — они живут дольше.

— Это бред, — повторила она громче, но теперь уже неуверенно.

Никто не ответил. Стажёр молчал. Возможно, уснул. Возможно, просто не знал, что сказать.

Она потянулась к кружке — и замерла.

На запястье, под рукавом лабораторного халата, тускло блеснул металл. Медальон. Старый, потёртый, с выцветшим изображением Богоматери — мать засунула его в карман перед отлётом, когда Лена в последний раз была дома, пять лет назад. «На удачу, дочка. Там, наверху, он нужнее, чем здесь».

Лена не носила его никогда. Считала суеверием. Но сегодня, сама не зная зачем, надела. Спектроанализатор моргнул снова.

Она перевела взгляд на экран. Частота поглощения объекта изменилась ещё раз. На 0,02 процента. Прямо сейчас. Прямо в тот момент, когда она коснулась медальона пальцами.

— Нет, — прошептала она. — Это совпадение. Это не может быть...

Она не договорила.

Потому что знала: может.

Она вдруг подумала о матери, которая ждала её на Земле. О старом доме в Ереване, о виноградных листьях, которые шуршали на ветру. О том, что она, возможно, никогда этого не увидит.

Но страха не было. Только холодное, прозрачное осознание, которое опустилось на плечи тяжёлым одеялом:

Всё, что мы знали о физике, — это приближение. Упрощение. Детские рисунки, на которых солнце — жёлтый круг с лучиками. А настоящие законы вселенной кто-то написал до нас. И до сих пор не опубликовал.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЛАНЕТА ПАНИКИ

13–28 февраля 2100 года. Земля, Луна, Марс.

Следующие шестнадцать дней человечество пережило больше эмоций, чем за предыдущие пятьдесят лет. Больше страха, больше надежды, больше безумия. И никто не вышел из этого таким же, как был.

I. Эйфория. Дни 1–3

Новость просочилась через четырнадцать часов после доклада Лены Саркисян.

Никто так и не узнал, кто именно слил запись. То ли штабист Объединённого космического флота с больными нервами, который не выдержал груза секретности. То ли хакеры с Титана, которые взломали защиту просто потому, что могли. То ли сам полковник, решивший, что человечество имеет право знать, что к нему летит. Важно другое: в 18:33 по Гринвичу 13 февраля файл появился на закрытом форуме марсианских трейдеров, где обсуждали цены на гелий-3 и новые маршруты доставки, а через сорок минут его копировали все новостные агентства Солнечной системы — от корпоративных гигантов до пиратских подпольных каналов.

Правительствам пришлось подтверждать. Сначала неохотно, с оговорками, с просьбами «сохранять спокойствие». Потом — когда по улицам уже текли реки шампанского — просто махнули рукой.

«НАС НАШЛИ!» — этот заголовок бежал по всем экранам планеты, следующие трое суток. Буквы были красными, жирными, они пульсировали в такт сердечному ритму перепуганного человечества — но в первые дни никто не замечал страха. Только восторг, только пьянящее, головокружительное чувство, что мы не одни, что вселенная не пуста, что наши радиосигналы не уходят в никуда, что кто-то их услышал.

На Земле царил карнавал.

Семья Коулов стояла на крыше своего дома в Бруклине — единственном месте, откуда был виден кусочек неба, не заслонённый башнями.

Отец, Майкл, держал на плечах шестилетнюю Зоуи. Мать, Элен, прижимала к груди годовалого Лео, который спал и не понимал, почему взрослые плачут. Вокруг, на других крышах, соседи делали то же самое — смотрели вверх, туда, где в прозрачной февральской выси не было ничего, кроме звёзд.

— Папа, а они уже здесь? — спросила Зоуи.

— Почти, малышка. Летят.

— А они добрые?

Майкл не знал, что ответить. Вчера он прочитал три статьи астрофизиков, две — военных аналитиков, и одну — сумасшедшего блогера, который утверждал, что пришельцы уже заменили правительства андроидами. Никто не знал, добрые они или нет. Все знали только, что они есть.

— Они летят очень долго, — сказал он наконец. — Если бы они хотели нам навредить, они бы не тратили столько времени.

— А вдруг они хотят просто посмотреть?

— Может быть, дочка. Может быть.

Элен тихо плакала. Не от страха — от чего-то, чему она не могла подобрать название. Слишком много новостей, слишком много домыслов, слишком много людей на улицах, которые смеялись и обнимались с незнакомцами, будто завтра не наступит никогда.

— Мам, ты чего?

— Я радуюсь, — сказала Элен и улыбнулась сквозь слёзы. — Мы не одни, Зоуи. Мы никогда не были одни.

Через три дня Элен будет сидеть в подвале соседнего дома с запасом воды и консервов, потому что паника сотрёт улыбку с её лица. Зоуи будет спрашивать: «Мама, а почему они молчат?»

Элен не сможет ответить.

Но сейчас, в этот момент, они стояли на крыше под холодными февральскими звёздами, и мир был един.

В Нью-Йорке на Таймс-сквер собралось двести тысяч человек — они танцевали, обнимались с незнакомцами, плакали от счастья. Кто-то принёс огромный транспарант: «Илону

спасибо, что подготовил нас!» Кто-то запустил дрон с флагом ООН, и тот кружил над толпой, пока его не сбил полицейский дрон — сочли за угрозу.

В Москве на Красной площади молодёжь устроила техно-марафон, который не прекращался тридцать часов подряд. Колонки, принесённые из соседних кафе, гремели так, что стены Исторического музея вибрировали. Милиция сначала пыталась наводить порядок, потом махнула рукой и присоединилась.

В Шанхае запустили фейерверки, хотя было утро — миллионы разноцветных искр рассыпались по бледно-голубому небу, и никто не жаловался на шум, потому что все были на улицах.

В Лондоне группа художников за ночь расписала стену возле Биг-Бена огромным изображением цилиндра, летящего к Земле, с подписью: «Добро пожаловать домой, братья». К утру рисунок смыл дождь, но фотографии разлетелись по сети и набрали миллиард просмотров.

Телеканалы переключились на круглосуточные марафоны «Первый контакт: прямой эфир». В студии приглашали всех подряд: астробиологов с горящими глазами, которые рассказывали о панспермии и общей биохимии жизни; футурологов с аккуратными бородками, которые обещали рай на Земле через десять лет; бывших сотрудников SETI, которые плакали в прямом эфире, потому что тридцать лет ждали этого момента; писателей-фантастов, у которых внезапно проснулось пророческое «а я говорил»; и просто ясновидящих, чьи зрочки блестели нездоровым блеском, а предсказания сводились к «будет что-то большое, и оно из космоса». Рейтинги взлетели до небес — даже реклама подорожала в четыре раза.

Профессор Стивен Чан сидел в пустой студии через три часа после того, как закончилась запись его интервью.

Ведущая ушла. Операторы свернули камеры. Осветители погасили софиты. Остался только ночной дежурный, который дремал в углу, и бесконечный эфир, в котором крутили запись вчерашнего футбольного матча.

Чан смотрел на экран монитора, где бежали данные с телескопов. Объект тормозил. Идеально линейно. Каждые пятнадцать минут — новая порция данных, и каждый раз — одно и то же.

Он не спал третьи сутки. Глаза слипались, но он боялся закрыть их. Потому что каждую ночь, стоило ему провалиться в темноту, ему снился цилиндр. Раскрывающийся. Из него выходили фигуры. Он не помнил их лиц — только то, что они смотрели на него. И улыбались.

Главный редактор новостного канала зашёл в студию с двумя чашками кофе.

— Профессор, вы ещё здесь? Интервью давно кончилось.

— Я знаю. — Чан взял кофе, но не отпил. — Вы вырезали кусок.

— Какой?

— Где я сказал: «Они слушают. Они не отвечают. Это может означать что угодно — от дружелюбия до подготовки к удару».

Редактор помолчал. Отхлебнул кофе.

— Профессор, посмотрите рейтинги. Люди не хотят слышать про удар. Они хотят слышать, что мы не одни. Что пришёл кто-то большой и умный и, может быть, наведёт порядок.

— А если он наведёт порядок так, что от нас ничего не останется?

— Тогда это будет новость следующей недели. — Редактор допил кофе одним глотком. — Вы очень умный человек, профессор. Но вы не понимаете одной вещи. Люди не боятся смерти. Они боятся неизвестности. А вы предлагаете им ещё больше неизвестности.

Он ушёл. Чан остался сидеть в темнеющей студии, глядя на монитор, где объект продолжал тормозить.

Через минуту он закрыл ноутбук. Встал. Выключил телефон.

Больше он никогда не давал интервью.

Профессор Стивен Чан, тот самый физик из Принстона, который пытался объяснить механизм торможения и уже три дня не спал, выглядел растерянным. Он сидел в студии, поправлял галстук, который ему навязал гримёр, и ждал вопроса. Ведущая — платиновая блондинка с бриллиантами в ушах и микрофоном, зажатым в идеальных пальцах, — наклонилась к нему почти вплотную:

— Доктор, они уже знают о нас?

— Скорее всего, да. — Чан говорил медленно, подбирая слова, потому что знал: каждое его слово услышит полмиллиарда человек. Ошибка — и паника. Неточность — и паника. Пауза — и паника. — Торможение линейно и зависит от плотности радиосигналов в их направлении. Мы провели корреляционный анализ — коэффициент связи 0,94. Они подстраиваются под нас. Слушают. Анализируют. Классифицируют.

— Они добрые? — перебила она, подаваясь ещё ближе.

Чан открыл рот и закрыл. Его лицо на секунду стало беспомощным — как у ребёнка, которого спросили о смысле жизни. Потом он сказал то, что считал единственно честным ответом:

— Это технический вопрос. Мы не знаем их моральных установок. Мы знаем только, что они обладают технологией, которая позволяет управлять инерцией и перераспределять тепловую энергию. Это всё. О добре и зле говорить пока рано.

Зал аплодировал стоя, пропустив мимо ушей оговорку. Чан не понял — за что. Но улыбнулся. Камеры любили улыбки.

Биржи взлетели на восемнадцать процентов за первые сутки. Акции космических корпораций — SpaceX-New, «Роскосмос-Нью», Lunar Industries, Martian Ventures — ушли в стратосферу. Инвесторы скупали всё, что имело отношение к небу: заводы по производству скафандров, компании по добыче гелия-3, даже туристические агентства, продающие билеты на орбиту. Один миллиардер купил контрольный пакет акций фирмы, производившей герметичные двери для шлюзов, — просто потому, что «вдруг пригодится».

Появились компании-однодневки. «First Contact Insurance» — страховка от вторжения, полис можно было купить онлайн за три минуты, мелким шрифтом было написано, что «вторжение пришельцев не покрывается», но никто не читал мелкий шрифт. «Alien Translator» — приложение-шутка с одной кнопкой «Hello», его установили сто миллионов человек за первый же день, разработчик стал миллиардером за ночь. И «Звёздный брат» — соцсеть для знакомства с инопланетянами, где можно было создать профиль для ещё не встреченного инопланетянина и ждать, когда он зайдёт.

— Четырнадцать миллионов регистраций за два часа! — кричал в камеру создатель соцсети, лысеющий парень в футболке с принтом цилиндра. Его глаза горели, на лбу выступила испарина, он держал планшет с графиком роста и тряс им перед камерой, как знаменем. — Мы сделали это! Мы готовы к контакту!

Церкви не отставали. Папа Римский выступил с обращением, и его голос, усиленный динамиками на площади Святого Петра, разносился над толпой: «Бог создал Вселенную обильной. Наши братья по разуму — тоже Его дети. Мы примем их с любовью». В Мекке имамы призывали к молитве о мирном контакте — тысячи голосов сливались в единый гул, поднимаясь к звёздам. В Иерусалиме раввины спорили, нужно ли пришельцам делать обрезание, и так и не пришли к согласию — одни говорили «да, потому что завет», другие — «нет, потому что они не люди», третьи предлагали спросить у самих пришельцев, когда те прилетят.

Луна и Марс потребовали права первого контакта. Глава лунной базы «Тихо» — грубый инженер с лицом, изрытым шрамами после аварии на сборке телескопа — заявил в прямом эфире:

— Мы ближе к объекту! Вы, земляне, только и умеете, что заседать в своих Женевах и Вашингтонах. А мы здесь дышим вакуумом и строим будущее. Первый контакт — наш. Точка.

Марсианские колонисты поддержали. В совместном заявлении, подписанном пятью крупнейшими базами, говорилось: «Мы опытнее в экстремальных условиях. Если пришельцы окажутся враждебными, мы лучше подготовлены. У нас есть оружие. У вас — бюрократия».

На Земле только посмеивались. Какая враждебность? Они летят к нам через миллиарды километров. Они тормозят. Они хотят дружить. Иначе зачем бы они так старались?

Человечество ещё не знало, что объект молчит. Не отвечает. Не даёт никаких знаков, кроме своего торможения — механического, бездушного, пугающе правильного.

Оно ещё не знало, что его слушают. Но не отвечают.

II. Тревога. Дни 4–10

На четвёртый день энтузиазм начал давать трещину.

Объект не отвечал.

Ни на радиосигналы, посланные мощнейшими передатчиками Земли, Луны и Марса — от армейских радаров до гражданских вышек связи, все они были направлены в одну точку. Ни на лазерные импульсы, сфокусированные до долей угловой секунды — теоретически, такой сигнал можно было различить за сотни астрономических единиц. Ни на модулированные гравитационные волны, которые учёные генерировали, взрывая ядерные заряды на безопасном расстоянии от станций — рискованный эксперимент, который едва не провалился из-за протестов экологов.

Тишина. Она была плотной, как вата. Она давила на барабанные перепонки даже в тех местах, где не было воздуха, — просто потому, что мозг достраивал тишину до физического ощущения. Она была в каждой паузе между словами, в каждом вздохе, в каждом ударе сердца.

— Он как стена, — сказал астроном из обсерватории «Аресибо-2» в прямом эфире. Его голос дрожал — не от страха, от бессилия. Он привык получать ответы из космоса: радиоволны, пульсары, квазары — все они что-то говорили, нужно было только уметь слушать. Но этот молчал. — Мы кричим, а он не оборачивается. Мы не знаем, слышит ли он нас вообще.

Но Лена Саркисян знала. Она сидела в своей каюте на «Лагранж-2», пересматривая данные. Графики, цифры, спектрограммы, длинные ряды чисел, которые складывались в картину, от которой стыла кровь. Её палец застыл на клавише прокрутки. Она смотрела на торможение — идеально линейное, без единого отклонения — и на график плотности радиосигналов, исходящих от Земли.

Две линии шли синхронно.

Он слышал. Он не просто слышал — он подстраивался. Чем больше мы вещали, тем точнее он выдерживал график торможения. Коэффициент корреляции вырос до 0,97. Сначала думали — совпадение. Потом проверили на исторических данных: когда вещание временно падало из-за технических сбоев (отключение передатчика на Марсе, солнечная буря, помехи), торможение тоже замедлялось. Не останавливалось — просто становилось чуть менее интенсивным.

Он слушал. Анализировал. Классифицировал. И молчал.

— Зачем? — прошептала она в пустоту каюты. — Зачем ты слушаешь, если не отвечаешь?

Ответа не было. И никогда не будет — или будет, но слишком поздно.

Спектральный анализ, проведённый независимо тремя лабораториями — на Земле (Принстон, Калтех, МГУ), на Луне (база «Тихо», лаборатория материаловедения) и на Марсе (колония «Ацидалия», институт ксенобиологии) — добил научное сообщество. Поверхность объекта состояла из материала с переменной размерностью кристаллической решётки. Не металл, не пластик, не углеродные нанотрубки — структура, в которой атомы могли менять свои связи под воздействием внешнего поля. Что-то, что теоретики описывали на досках в Институте перспективных исследований, но никто никогда не думал, что это можно реализовать в физическом объекте.

Академик Воронин, главный материаловед проекта, на закрытом совещании сказал фразу, которую потом перепечатали все газеты мира, хотя никто из журналистов не понял её полностью:

— Это не новый элемент. Это новый класс материи. Они не создали вещество. Они создали способ организации вещества. Мы не можем воспроизвести это с нашей текущей теорией квантовых полей. Мы даже не знаем, с какого края подступиться к его анализу. Это всё равно что дать неандертальцу смартфон — он будет бить им по камням, думая, что это молоток.

Ещё одна деталь леденила кровь — в прямом смысле. Тепловое излучение поверхности равнялось 2,7 кельвина — ровно температуре реликтового фона. Никакого инфракрасного следа. Никакого нагрева от трения о межзвёздную среду. Поверхность не излучала — она перераспределяла поглощённую энергию внутрь, в неизвестные нам каналы.

Журналист на пресс-конференции задал этот вопрос — тупой, прямой, человеческий, который был в головах у миллиардов:

— Куда уходит энергия?

Глава научной группы посмотрел на него усталыми глазами — под веками залегли тени, словно он не спал неделю. Его губы сжались, он подумал: «Я не должен этого говорить. Это вызовет панику. Но если я совру — они поймут. И тогда будет хуже».

И он сказал:

— У нас есть три гипотезы. Первая: энергия идёт на поддержание работы внутренних систем. Вторая: переизлучается в другом диапазоне, который мы не умеем детектировать. Третья: превращается в массу. Мы провели расчёты — если это так, то объект мог набрать до двенадцати процентов массы за счёт поглощённой энергии. Он становится тяжелее. С каждым часом. С каждым днём.

В эфире повисла неловкая тишина. Потом ведущий быстро переключился на другого эксперта, который с энтузиазмом заговорил о возможностях межзвёздных путешествий, но осадок остался. Он был горек, как тот самый кофе, который пила Лена.

Инженеры NASA в частных разговорах называли объект «пожиратель». Он выедал радиодиапазоны. Чем ближе он подлетал, тем тише становился эфир в УКВ, в сотовых частотах, даже в военных радарх. Будто он питался нашими сигналами. Будто каждый звонок, каждое «алло», каждый вскрик новорождённого — всё шло в его банк данных. Сортировалось. Анализировалось. Исчезало.

Лица на улицах изменились. Флагов стало меньше. Шампанское кончилось — его не завозили, потому что торговые корабли боялись лететь через зону, где может быть «пожиратель». Люди начали всматриваться в небо с тревогой, а не с надеждой. Взгляд вверх больше не вызывал улыбку — только напряжённое ожидание, только вопрос «А что, если?», который не давал спать по ночам.

III. Паника. Дни 11–15

На одиннадцатый день произошла утечка, которая всё изменила.

Кто-то из штаба ОКФЗ — разжалованный потом до уборщика, его имя забыли на следующий же день, а лицо стёрлось из памяти через неделю — продал журналистам рассекреченные расчёты. За небольшую сумму, которая сделала его богатым на год и проклятым на всю жизнь. В расчётах говорилось, что текущее торможение выведет объект на стабильную орбиту Луны — но это означало, что он не упадёт на Землю и не останется её спутником. Он просто замрёт на орбите Луны. Изучать его можно будет, но только дистанционно. Попасть внутрь — неизвестно.

«ОН НЕ С НАМИ!» — кричали заголовки. — «ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ ЗАМРЁТ НА ОРБИТЕ ЛУНЫ, НО МЫ НЕ СМОЖЕМ В НЕГО ПОПАСТЬ!»

Паника накрыла планету, как цунами. Она поднималась из подвалов и подземных переходов, из многолюдных офисов и пустых квартир, из больничных палат и школьных классов.

Она была липкой — она проникала в лёгкие с каждым вдохом, оседала на зубах, смешивалась со вкусом синте-кофе и пластмассовой еды.

Люди сметали с полок консервы, воду, генераторы, бензин, оружие. В США продажи дробовиков выросли на пятьсот сорок процентов — оружейные магазины работали круглосуточно, очереди растягивались на кварталы, люди спали в палатках у входа. В Европе запасы питьевой воды разобрали за восемнадцать часов — заводы не успевали разливать новую. В России люди скупали соль и спички — старая привычка, зашитая в генетический код ещё с прошлого века, когда запасы делали на случай ядерной зимы.

В интернете появились «контактёры» — люди, утверждавшие, что уже общаются с пришельцами через сны. Их было десятки, потом сотни, потом тысячи. Они публиковали одинаковые описания: коридоры из света, голоса без ртов, обещания спасения избранным. Секта «Свидетели Прилёта» собрала два миллиона последователей за три дня. Они носили серебряные нашивки с изображением цилиндра и собирались на стадионах, где впадали в транс под монотонные песнопения, раскачиваясь в такт невидимой музыке, которую слышали только они.

— Они говорят со мной! — кричала женщина в прямом эфире, её глаза горели безумием, зрачки расширились до предела, на лбу выступила испарина. — Они говорят, что мы должны открыть портал! Что нас ждёт там, за звёздами! Что мы — избранные!

Психиатры зафиксировали всплеск массового психоза, невиданный со времён средневековых эпидемий пляски святого Витта. В Лондоне мужчина выпрыгнул из окна двадцатого этажа, крича: «Я полечу к ним первым!» В Токио группа подростков распылила в метро газ, утверждая, что это «приветствие пришельцам» — пострадало тридцать человек, двое в реанимации. В Сиднее женщина убила своего мужа, потому что он «не верил в звёздных братьев». Полиция не успевала оформлять протоколы.

Марсианские базы объявили автономию. В заявлении, переданном на все частоты, говорилось: «В случае, если Земля перестанет существовать, марсианская колония продолжит человеческую цивилизацию. Мы не подчиняемся паникерам. У нас есть план». План никто не видел, но он звучал внушительно.

Луна запросила военную помощь. Лунная база «Тихо» получила приказ: подготовить оборону на случай, если объект изменит курс и направится к ним. Две ракетные батареи развернули на южном полюсе спутника — их чёрные стволы смотрели в небо, как пальцы мертвеца, готовые выпустить ядерные заряды в никуда.

На тринадцатый день объект замедлился до пяти километров в секунду. Телескопы наконец разглядели его поверхность — идеально гладкую, без единого шва, без антенн, без двигателей, без иллюминаторов. Ничего. Только тьма, отражающая свет звёзд как полированный гранит. Холодная. Безучастная. Немая.

Популярный видеоблогер — молодой парень с татуировками на лице и миллионами подписчиков, которые привыкли к его эпатажным выходкам — записал ролик, который набрал десять миллионов просмотров за ночь. Он сидел на фоне чёрного экрана, его голос был низким, почти шёпотом, глаза смотрели прямо в камеру, как будто он видел зрителя лично:

— Это могильная плита. Летит и молчит. Мы кричим, а он молчит. Может быть, там никого нет? Может быть, это просто... послание? Или ловушка? Или мы уже внутри?

Комментарии под видео превратились в поле битвы. Оптимисты писали: «Не бойтесь, они друзья». Пессимисты: «Мы все умрём». Безумцы: «Я уже с ними разговариваю, они скажут, что всё будет хорошо». Спорили до хрипоты, до блокировки аккаунтов, до реальных драк на улицах — в ту ночь полиция зафиксировала семьсот три случая насилия на почве конспирологии.

IV. Решение. День 16

26 февраля 2100 года, 09:00 по Гринвичу. Женева. Зал заседаний G7.

Обстановка — наэлектризованная, как перед грозой. За длинным столом из полированного дерева — президенты, премьеры, председатели, канцлеры. У каждого под глазами тени глубиной в бессонную неделю. Кто-то пьёт кофе маленькими глотками, кто-то нервно крутит ручку, кто-то просто сидит с закрытыми глазами, делая вид, что медитирует. Воздух тяжёлый, спёртый — система кондиционирования не справляется с количеством тел и напряжением.

Президент США, Элизабет Хейл — женщина с лицом, вырезанным из гранита, и голосом, не терпящим возражений, — открыла заседание. Она не вставала, но её голос заполнил весь зал, заставив даже самых рассеянных поднять головы.

— Мы не можем позволить этому объекту остаться недоступным. Если он несёт технологии, которые перевернут нашу цивилизацию, мы обязаны их получить. Если он несёт угрозу — мы обязаны её нейтрализовать. Предлагаю активировать систему планетарной обороны. Лазерные батареи «Страж» готовы к бою.

Председатель КНР, Ли Вэйминь, возразил спокойно — как учитель, делающий замечание провинившемуся ученику:

— Агрессия недопустима. Если это мирная миссия, а мы атакуем — мы навсегда останемся в глазах вселенной варварами. Нашими именами будут пугать детей.

— А если это разведчик? — бросил президент России, Григорий Волков. Грубый мужчина с сединой в бороде, с пальцами, унизанными перстнями, с голосом, который привык отдавать приказы в шумных кабинетах. — Если он навёл нас на цель, а за ним идёт флот? Ждать, пока нам на голову упадут бомбы?

— Ваши аргументы понятны, — сказал председатель Еврокомиссии, худой француз с вечным насморком, голосом, который то и дело срывался на кашель. — Но мы не знаем, что это. Никто не знает. Никто в этом зале.

Тогда поднялся адмирал Ито.

Он был невысоким, сухоньким, с идеально выглаженной формой без единой складки и лицом, которое не выражало ничего — ни надежды, ни страха, ни усталости. Его уважали все — даже президенты, даже военные, даже гражданские, даже те, кто вообще никого не уважал. Потому что Ито никогда не говорил лишнего. Каждое его слово было выверено, как хирургический разрез.

— Господа, — начал он, и голос его был тих, но слышен каждому — каким-то чудом акустики, а может быть, просто все затаили дыхание. — У нас есть три корабля на новых физических принципах: «Эйнштейн», «Кури», «Гагарин-2». Они способны генерировать гравитационные поля достаточной интенсивности, чтобы изменить траекторию объекта. Я предлагаю не бить. Я предлагаю припарковать эту штуку на орбите Луны.

— Вероятность успеха? — спросила Хейл. Её голос был сухим, как бисквит.

— Тридцать семь процентов, — ответил Ито. — Теоретически. Практически мы не знаем массу объекта и его внутреннюю структуру. Мы не знаем, как он отреагирует на гравитационное воздействие. Это шаг в темноту. Но если мы не попробуем, объект останется на орбите, но закрытым. Мы никогда не узнаем, что внутри. Никогда. Через сто лет наши внуки будут смотреть в небо и гадать. Я не хочу, чтобы мои внуки гадали.

В зале повисла тишина. Слышно было, как тикают часы на стене — механические, старые, с маятником, доставшиеся этому залу ещё от Лиги Наций. Их звук казался насмешкой: тик-так, тик-так, пока вы решаете, жизнь продолжается, объект летит, время уходит.

Элизабет Хейл медленно кивнула. Её гранитное лицо на секунду дрогнуло — может быть, от усталости, может быть, от страха, может быть, от того, что она вдруг поняла, что сейчас происходит нечто, что будут изучать в учебниках истории, если мы выживем.

— Действуйте, адмирал.

V. Операция «Встречный курс»

27 февраля 2100 года, 14:00 по Гринвичу. Все экраны Земли показывали прямую трансляцию.

Три корабля вышли из лунного док-порта «Тихо». «Эйнштейн», «Кури», «Гагарин-2» — серебристые капли, растянутые в иглы, каждая длиной двести метров, с гравитационными генераторами в кормовой части. На их бортах — флаги объединённого флота: синий круг на чёрном поле, в центре — Земля, Луна и Марс, соединённые тонкими линиями.

Флаги трепетали — нет, в вакууме не трепетали, это была оптическая иллюзия, игра света на антеннах связи. Но люди всё равно видели трепет. Им нужно было видеть, что флаги живые.

В рубке «Эйнштейна» сидел капитан Мигель Эррера, бывший астронавт NASA, угрюмый мужчина с кривым шрамом на подбородке — память о марсианских контрабандистах, которые не хотели платить.

За десять лет до этого. Марс, аварийный модуль «Феникс-7».

Эррера тогда был моложе, злее и верил, что правила существуют, чтобы их нарушать, когда на кону человеческие жизни. Он не был героем — он просто не мог смотреть, как умирают люди.

Центр управления сказал: «Не подходи. Модуль нестабилен. Спишем как потерю».

Эррера подошёл. Вытащил троих. Модуль взорвался через сорок секунд после того, как последний человек покинул шлюз.

Центр управления сказал: «Ты нарушил приказ».

Эррера сказал: «Я спас людей».

Центр управления сказал: «Ты уволен».

С тех пор он не работал на правительства. Только на частных. Только за деньги. Только так, чтобы никто не мог сказать ему «не подходи». И чтобы дочь не умерла.

Его дочь, Майя, болела с пяти лет. Редкое нейрометаболическое заболевание — мозг медленно разрушался, лишая её сначала зрения, потом слуха, потом памяти. Лечение стоило миллионы. Эррера мог только платить и ждать. Ждать, когда лекарство подорожает. Ждать, когда дочь забудет его имя. Ждать, когда она перестанет узнавать его лицо.

Он не верил в чудо. Он верил в деньги. И в то, что их можно заработать только одним способом — идя туда, куда другие не суются.

Теперь он шёл.

Он не верил в успех. Процент был слишком мал, неизвестных — слишком много. Но ему заплатили столько, что дочь сможет лечить свою болезнь ещё лет десять.

На его лице не было страха. Не было надежды. Только усталость человека, который слишком часто смотрел в лицо смерти и привык к её чертам. Смерть оказалась не страшной — страшной была её неизбежность.

— Дистанция двести тысяч километров, — доложил штурман. — Объект на курсе. Погрешность — минимальна.

— Активируй гравитационные захваты, — скомандовал Эррера. — По моей команде.

Три корабля синхронно запустили генераторы пространства-времени. Вокруг каждого замерцало голубоватое свечение — искажение метрики, видимое даже невооружённым глазом. Невидимые нити обвили цилиндр, сотканые из чистого пространства-времени.

На Земле люди затаили дыхание. Миллиард зрителей, миллиард сердец, бьющихся в унисон.

— Тяга... три процента, — голос инженера напряжён, на лбу выступили капли пота, он вытирал их рукавом, не отрывая глаз от приборов. — Объект реагирует. Меняет курс. Отклонение — полградуса.

— Увеличивай до десяти.

— Есть.

Цилиндр медленно, неохотно — как огромный кит, которого тянут сети — начал поворачивать. Он не сопротивлялся — он помогал. Микроимпульсы, которых никто не заметил бы без тончайших датчиков, корректировали его положение. Кто-то внутри — или что-то — принимало решение сотрудничать.

Штурман прошептал в микрофон так, что его голос услышал весь мир:
— Он сотрудничает. Он... он хочет, чтобы мы его припарковали.

Эррера ничего не сказал. Он только смотрел на экран, где чужой объект, слушавший человечество сорок дней, наконец подчинился. Пальцы Эрреры лежали на подлокотниках кресла — спокойные, расслабленные. Только костяшки побелели.

28 февраля 2100 года, 06:42 по Гринвичу.

Цилиндр замер на полярной орбите Луны. Высота — ровно двести километров.

Адмирал Ито, смотревший на мониторы в Женеве, выдохнул. Всего на секунду его лицо потеряло каменное выражение — уголки губ чуть опустились, веки дрогнули. Потом маска вернулась.

— Есть.

Мир выдохнул следом. Миллиард выдохов, слившихся в один долгий вздох облегчения, который, наверное, был слышен даже в космосе.

А потом объект раскрылся.

VI. Раскрытие

28 февраля 2100 года, 06:43. Орбита Луны. Объект, получивший кодовое имя «Садовник».

Он раскрылся не сразу.

Сначала по поверхности цилиндра пробежала рябь — как будто кто-то бросил камень в идеально гладкое чёрное озеро. Волна прошла от одного торца к другому, затем обратно, затем замерла.

На лунной базе «Тихо» взвыли датчики.

— Сейсмика! — крикнул оператор. Голос его сорвался на фальцет. — Нет, не сейсмика... Это вибрация самого объекта. Частота — один герц. Амплитуда — три метра?!

Люди на станции почувствовали, как пол под ногами задрожал. Луна не дрожит. Луна никогда не дрожит. Но сейчас дрожала — через ножки столов, через поручни, через подошвы ботинок передавалась низкая, тяжёлая вибрация, похожая на вздох великана.

На Земле прямые трансляции показывали крупный план цилиндра. Телескопы, выведенные в космос за последние дни в спешном порядке, передавали картинку с задержкой в две секунды — но две секунды казались вечностью. Миллиарды людей видели, как идеально гладкая чёрная поверхность начала трескаться.

Но это были не трещины.

По всей длине цилиндра, на равных расстояниях друг от друга, проступили линии. Они не светились — они меняли отражающую способность, становясь видимыми в оптическом диапазоне. Линии углублялись, становились ярче, и через десять секунд стало понятно: это швы. Швы, которых не было видно раньше. Швы, которые прятались в идеальной гладкости, как рубцы на чужой коже.

Инженер с «Тихо», тот самый, который только что кричал о сейсмике, снова заговорил. Но теперь его голос сел до шёпота:

— Толщина материала в зоне шва... Датчики показывают, что он расходится. Не разрывается — расходится. Как будто материал меняет фазовое состояние на молекулярном уровне. Становится текучим.

Швы разомкнулись.

Цилиндр распался на шесть сегментов — но не разлетелся в стороны. Сегменты начали медленно отгибаться наружу, как лепестки гигантского цветка. Каждый лепесток имел длину

два с половиной километра, толщину — триста метров у основания и всего несколько метров у края. Внутренняя сторона лепестков была не чёрной, а тёмно-серой, покрытой миллиардами крошечных структур — похожих на ячейки памяти, если смотреть на них под тысячекратным увеличением.

Академик Воронин, глядя на экран, прошептал — и его шёпот услышал весь мир, потому что микрофоны были настроены на максимум:

— Это не металл... Это композит. Структурированный материал с переменной размерностью связей. Как раковина моллюска, только размером с гору.

Лепестки замерли, раскрывшись на шестьдесят градусов. Цилиндр превратился в раскрытый бутон — уродливый, пугающий, прекрасный в своей чужеродной симметрии.

И внутри, в глубине, зияла тьма.

Но не пустая.

Тьма мерцала тысячами огней — синих, зелёных, фиолетовых. Огни двигались. Не хаотично, а по каким-то сложным траекториям, как будто внутри работала гигантская вычислительная машина, где каждый огонёк был транзакцией данных, каждое мерцание — обработанным битом информации.

— Там что-то есть, — сказал капитан Эррера, глядя на экран с мостика «Эйнштейна». В его голосе не было страха — только констатация факта. — Там много чего есть.

Адмирал Ито, не повышая голоса, отдал приказ:

— Разведывательные зонды — вперёд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВНУТРИ

28 февраля 2100 года — 1 января 2102 года. Лунная база «Тихо», станция Аванпост

I. Первые зонды

28 февраля, 09:00.

Аванпост — свежепристыкованный к цилиндру, пахнущий ещё герметиком, озонированным воздухом и пластиком, который не успел выветриться — дрожал от сотен работающих механизмов. Вентиляция гудела, насосы качали воздух, генераторы снабжали энергией бесконечные приборы. Люди в скафандрах сновали по коридорам, как муравьи, перетаскивая оборудование — мониторы, анализаторы, кабели, инструментов, которых хватило бы на небольшую войну.

Но главное — вход в цилиндр был открыт.

Шлюз, прорубленный в одном из лепестков лазерными резаками, зиял чернотой. За ним — ничего. Ни света, ни звука, ни движения. Только тьма, которая ждала.

Роботы-зонды «Муравей-7», «Муравей-9» и «Муравей-12» — механические конструкции размером с собаку, на шести колёсах каждая, с манипуляторами, камерами и датчиками всего, что можно измерить — замерли у края шлюза. Их выпустили в 09:15, после трёх часов подготовки и полутора часов споров — кто будет нажимать кнопку. Кнопку нажала доктор Мира Козловская. Её палец дрожал.

— Поехали, — сказала она.

Первые кадры заставили замолчать даже самых болтливых.

Кадр №1. Коридор.

«Муравей-7» шагнул по коридору шириной десять метров, высотой пятнадцать. Стены не были гладкими — они походили на кору древнего дерева, только из металла. Тысячи, десятки тысяч крошечных углублений — каждое размером с монету, с идеально ровными краями, как будто вырезанными лазером. Из некоторых сочился слабый голубоватый свет. Не электрический — люминесцентный, вызванный квантовыми процессами в кристаллической решётке материала.

Доктор Айзек Н'Диайе, ксеноминералог, прилип лицом к монитору. Голос его, обычно басистый и спокойный, сел до шёпота — такого тихого, что все невольно наклонились вперёд, чтобы расслышать:

— Это не украшение. Это ячейки памяти. Каждое углубление — бит информации. Если мои расчёты верны, информационная ёмкость одной только этой стены — больше, чем у всех жёстких дисков человечества, вместе взятых. В десятки раз больше.

— О чём они? — спросил Ито.

Н'Диайе не ответил. Только покачал головой. Потом, спустя долгую паузу, сказал:

— Метод шифрования — квантовый. На основе запутанных состояний. Мы не можем его взломать. У нас нет даже теории, с какой стороны подступиться.

Кадр №2. Парящие сферы.

Зал, в который заглянул «Муравей-9», оказался пустым. Почти пустым. В центре, в трёх метрах над полом, висели три сферы — каждая размером с баскетбольный мяч. Они не касались ни пола, ни потолка. Просто висели. Медленно вращались — каждая вокруг своей оси, с разной скоростью, как планеты вокруг солнца.

Внутри сфер двигались огни — сложные, пульсирующие узоры. Датчики показали: это не оптика — это квантовые вычисления, визуализированные для наблюдателя. Каждая сфера была вычислительным узлом, работающим на пределе возможностей человеческой технологии и далеко за ним.

— Подойди ближе, — скомандовал оператор.

«Муравей-9» сделал шаг. Сферы изменили цвет — синий стал красным. Частота пульсаций участилась. Одна из сфер сместилась на полметра в сторону зонда — плавно, без видимых двигателей, только за счёт изменения гравитационного поля вокруг себя.

— Отводи! — крикнул кто-то, но было поздно.

Вторая сфера начала передавать сигнал. Не радиоволны — гравитационные пульсации. Приборы перевели их в спектрограмму — и она оказалась не хаотичной. Сигнал. Закономерный, повторяющийся. Модулированный.

Н'Диайе выдохнул, и в его голосе впервые прозвучал страх:

— Они знают, что мы здесь. Они нас видят. И они пытаются с нами заговорить. На языке гравитации.

Кадр №3. Скульптуры.

Третий зонд, «Муравей-12», нашёл зал со скульптурами. Их было семь. Высотой от двух до пяти метров. Изображали они существ, которых никто не мог описать. Трёхногие, с головами-пентагонами. Многорукие, с длинными пальцами, сложенными в жестах — приветствие? угроза? молитва? Формы тел были органическими, но асимметричными — ни одного прямого угла, ни одной линии, которая была бы идеально прямой.

Материал скульптур был неизвестен — не металл, не камень, не пластик. Когда зонд коснулся одной из них, поверхность оказалась тёплой. Тридцать семь градусов. Как человеческая кожа.

— Они недавно здесь, — сказал биолог. — Или... материал имеет высокую теплоёмкость и сохраняет температуру тысячи лет. Нагрелся когда-то — и не остывает.

Кадр №4. Контейнеры.

Зонды наткнулись на сотни ячеек — прозрачных, размером с гроб, выстроенных в идеальные ряды. В некоторых — ничего. В других — пыль, тонкая, как табачный пепел. В третьих — нечто, от чего у биолога перехватило горло, а руки, лежавшие на клавиатуре, начали дрожать.

— Это органика. Клетки. Сохранившиеся. Температура хранения — комнатная. Давление — атмосферное. Процессы распада остановлены на молекулярном уровне. Им сотни миллионов лет, но они выглядят свежими. Как будто их положили туда вчера.

Один контейнер содержал не фрагмент ткани. Зародыш. Размером с человеческий кулак, плавающий в янтарной жидкости, которая мерно пульсировала. С пульсирующими нитями ДНК, которые не были похожи ни на земные, ни на марсианские — длиннее, сложнее, с дополнительными парами оснований.

Когда зонд приблизился, зародыш шевельнулся.

Козловская отшатнулась от экрана так резко, что опрокинула стул.

— Это... это невозможно. Он жив. После сотен миллионов лет — жив.

Н'Диайе посмотрел на анализ ДНК, сверил с базой данных, перепроверил, перепроверил ещё раз — и побледнел так, что его тёмная кожа стала пепельно-серой:

— Совпадение с человеческой — восемьдесят семь процентов. Но хромосом на две больше. Двадцать четыре пары вместо двадцати трёх.

В комнате стало тихо. Тишина была такой плотной, что слышно было, как работает система вентиляции — монотонно, безучастно.

— Что это значит? — спросил Ито. Его голос впервые дрогнул.

— Это значит, — ответил Н'Диайе, — что мы не случайность. Кто-то нас здесь... посадил. Как семена. А цилиндр — это инкубатор. Который работал миллиарды лет. И мы — гибриды. Результат эксперимента, который начался задолго до появления человека разумного.

Кадр №5. Портал.

Самый нижний уровень. Самый большой зал — сферический, диаметром двести метров, с идеально гладкими стенами, которые не отражали свет, а поглощали его. И в центре — аномалия. Розоватый прямоугольник. Ни рам, ни опор. Просто висел, как оконный проём в никуда. Сквозь него — только молочно-белая дымка, которая не рассеивалась, не двигалась, просто была.

Зонд приблизился. Прямоугольник мигнул — кратковременное изменение плотности дымки. И на поверхности ближайшей стены загорелись символы.

— Стоп, — сказал Ито. — Увеличь.

Символов было тридцать. Каждый — объёмный, трёхмерный, сложный, как узел. Некоторые напоминали спирали — двойные, тройные, закрученные в разных направлениях. Другие — глаза, с зрачками и радужками, которые, казалось, смотрели прямо на зрителя. Третьи — вихри, застывшие в момент максимального вращения. Они не были нарисованы — они были вычислены прямо в структуре материала, выжжены в кристаллической решётке на молекулярном уровне.

Лингвист — его привезли с Земли за сумму, на которую можно купить челнок, убелённый сединами, с глазами, которые видели сотни языков и письменностей — выдохнул:

— Это язык. Не алфавит. Идеограммы. Каждый символ — целое понятие. «Путь», «Опасность», «Дом», «Смерть», «Рождение», «Память», «Сеть»... Мы сможем их расшифровать. Но нужны годы. Много лет.

Ито посмотрел на портал, на символы, на сферы и скульптуры. В его глазах — не усталость, не страх. Счёт.

— Годы у нас есть, — сказал он. — Цилиндр никуда не денется.

Он ошибался. Цилиндр никуда не делся. Но годы действительно понадобились — и не все дожили до их конца.

II. Временной скачок: два года спустя 2100–2102.

Аванпост разросся до размеров небольшого городка. Тысяча двести учёных, инженеров, военных, техников, поваров, уборщиков — целое поселение, прилепленное к боку чужого цилиндра. Лаборатории, жилые модули, столовые, спортзалы, сад с гидропоникой, где выра-

щивали зелень и помидоры — люди собирались здесь надолго. Надолго, не навсегда. Никто не говорил «навсегда».

Изучали артефакты круглосуточно — в три смены, без выходных, с кофеином внутрененно.

Первое. Материал цилиндра оказался не просто прочным. Он был «умным» в том смысле, что реагировал на внешние воздействия изменением электропроводности и отражающей способности. Однажды техник случайно провёл рукой по стене — и стена на три секунды изменила цвет, проецируя карту коридоров. Повторить фокус не удалось — стена не реагировала на намеренные прикосновения, только на случайные. Как будто она выбирала, когда показывать себя.

— Материал имеет память, — сказал инженер. — Но он не разумный. Это сложная химия. Как наше стекло с памятью формы, только на много порядков сложнее.

Второе. Сферы в зале-ротонде оказались квантовыми вычислительными узлами. При определённых комбинациях электромагнитных полей они проецировали голограммы — звёздные карты с координатами, которых не было в земных каталогах, схемы устройства, структуры ДНК с тридцатью парами хромосом. Никто не знал, что именно они показывают. Сферы «говорили», но на языке, которого люди не понимали.

Третье. Контейнеры с органикой. Биологи извлекли образцы ДНК из пыли — и из самого зародыша, который всё ещё шевелился иногда, всё ещё был жив. Результат шокировал: ДНК была не земной, не марсианской. Чужой. Но в ней присутствовали те же четыре азотистых основания — аденин, гуанин, цитозин, тимин. Те же, что у людей, собак, деревьев, бактерий. Те же, что у всей жизни в Солнечной системе.

Главный биолог сказал на совещании:

— Это значит, что жизнь во вселенной использует один и тот же биохимический код. Панспермия — жизнь занесена из космоса. Или... кто-то распространил этот код. Как семена. Как черновик.

Четвёртое — и самое главное. Расшифровка символов. Тридцать глифов в центральном зале оказались интерфейсом. Без них портал не работал — или работал непредсказуемо. Однажды исследователи случайно активировали один глиф — портал вспыхнул яркой белой вспышкой, ослепив трёх техников на пять минут. А потом погас.

Козловская, главный лингвист, сказала:

— Это дверь с замком. Замок требует комбинации. Мы должны ввести правильную последовательность, чтобы портал открылся в нужное место. Или вообще открылся безопасно.

Пятое. Исследование портала — миры за дверью.

К концу первого года стали посылать дроны. Сначала наземные — те же «Муравьи», модернизированные, с усиленной защитой и лучшими камерами. Они шагали в розовую дымку — и пропадали. Связь обрывалась мгновенно. Никакого сигнала, никакой телеметрии. Только тишина.

Но через несколько секунд — или часов, никто не мог точно замерить, потому что время на той стороне текло иначе — некоторые возвращались. Не все.

Запись №017-Д. Дрон-разведчик «Стрекоза-4» пробыл по ту сторону три минуты по земному времени. Вернулся с образцами грунта — красного, липкого, с кислотностью, как у лимонного сока, прожигавшего контейнер. И с видео: равнина под фиолетовым небом, два спутника размером с Луну, вдали — геометрически правильные пирамиды, покрытые мхом, который шевелился.

Запись №041-Д. «Шершень-12» — летающий дрон с крыльями стрекозы — отправился в портал и не вернулся. Вообще. Без следа. Операторы ждали три дня, потом списали. Списали и его, и надежду.

Запись №089-Д. «Муравей-22» прошёл сквозь портал, просуществовал там одиннадцать секунд и передал единственный кадр: бесконечный океан под зелёным небом, и в волнах — нечто огромное, чешуйчатое, с рядом светящихся глаз. Дрон успел развернуться — и был раздавлен. Что именно — загадка. Давление зашкаливало за тысячу атмосфер.

За два года через портал отправили более трёхсот дронов. Наземных — сто сорок. Летящих — сто шестьдесят. Вернулись двести два. Остальные пропали.

И самое важное: миры за порталом каждый раз были разными.

— Это не один адрес, — объясняла Козловская на общем собрании, стоя перед голограммой. — Каждый раз портал открывается в новое место. Случайно? Или в зависимости от комбинации глифов? Мы не знаем. Глифы мы ещё не научились перебирать осознанно. Тыкаем наугад.

К концу второго года у учёных сложилась классификация:

- Тип I: «Пустоши» — миры без признаков жизни. Вулканические равнины, ледяные пустоши, безвоздушные камни, где даже бактерии не выжили. 23%.

- Тип II: «Сады» — с биосферой, но без технологий. Леса, океаны, пригодная атмосфера, иногда — животные, которые шарахались от дронов. 58%.

- Тип III: «Следы» — миры с руинами. Постройки, артефакты, останки. Кто-то был до нас. Исчез. Или ушёл. 14%.

- Тип IV: «Обитаемые» — миры, где дроны фиксировали движущиеся объекты, похожие на живых существ, а в трёх случаях — разумное поведение (огни в окнах, сигнальные костры, геометрические поля). 4%.

- Тип V: «Аномальные» — миры, где нарушались законы физики. Гравитация идёт вверх. Время течёт назад. Цвета, которых не существует в спектре. 1%.

Ни одного контакта с разумной жизнью. Дроны либо не успевали, либо их уничтожали, либо «обитатели» просто не замечали железок, принимая их за камни или насекомых.

Ито, стоявший перед голограммой, сложив руки за спиной, сказал:

— Мы знаем главное. Портал открывает дорогу в тысячи вселенных. И однажды мы должны послать туда человека.

Зал замер. Слышно было, как кто-то сглотнул.

— Не сейчас, — добавил Ито. — Сначала научимся управлять адресацией. И найдём добровольца.

III. Инцидент

15 ноября 2101 года, 03:12. Аванпост, центральный зал.

Его звали Михаил Корнев. Техник четвёртого ранга, обслуживал вентиляцию. Родом с Земли, из Новосибирска. Тихий, незаметный, ни с кем не дружил, ни с кем не ссорился. Психологическая аттестация: «стабилен, склонен к меланхолии». Никаких красных флагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.